Перед нами не что иное, как подстрочный перевод начала «Zueignung» Гёте,— стихотворения, написанного в 1784 г. как вступление к поэме «Die Geheimnisse» и впервые опубликованного в 1787 г.

ZUEIGNUNG

Der Morgen kam; es scheuchten seine Tritte
Den leisen Schlaf, der mich gelind umfing,
Dass ich, erwacht, aus meiner stillen Hütte
Den Berg hinauf mit frischer Seele ging;
Ich freute mich bei einem jeden Schritte
Der neuen Blume, die voll Tropfen hing;
Der junge Tag erhob sich mit Entzücken,
Und alles war erquickt, mich zu erquicken.

Und wie ich stieg, zog von dem Fluss der Wiesen
Ein Nebel sich in Streifen sacht hervor.
Er wich und wechselte, mich zu umfliessen,
Und wuchs geflügelt mir ums Haupt empor,
Des schönen Blicks sollt ich nicht mehr geniessen,
Die Gegend deckte mir ein trüber Flor;
Bald sah ich mich von Wolken wie umgossen
Und mit mir selbst in Dämmrung eingeschlossen.

Обращение Тургенева к «Zueignung» — факт сам по себе чрезвычайно интересный. Это стихотворение, как известно,— один из самых значительных манифестов зрелого Гёте (знаменательно, что с 1815 г. Гёте печатает его как вступление ко всем лирическим стихотворениям, т. е. как посвящение в мир своей поэзии). Мы знаем Андрея Тургенева как одного из первых переводчиков «Вертера». Известен интерес поэта к «Эгмонту». В «Дневнике» цитируется рефрен знаменитого романса «Kennst du das Land...» Этим, по сути дела, число произведений Гёте, привлекавших внимание Тургенева, традиционно ограничивается: «Произведения Гёте-классика не трогают Тургенева»,— считает В. М. Жирмунский. Исследователь русской гётевианы так рисует общую картину восприятия Гёте в то время: «В конце XVIII в. и в первые годы XIX в. Гёте известен в русской литературе почти исключительно как автор „Вертера", приспособленного переводчиками и подражателями к идеологическому уровню дворянского сентиментализма. В немногочисленных переводах лирических стихотворений этого времени Гёте выступает как сентиментальный поэт, автор благочестивого гимна творцу (Дмитриев), чувствительных песен (Борн), патриархальной идиллии («Поэт и поселянка»)» [3, с. 26]. Интимная лирика, возникшая в эпоху «бури и натиска»,— отмечает автор, «как и весь тот круг переживаний, который характерен для молодого Гёте и его современников, не находит ⟨...⟩ никаких соответствий и откликов в русской дворянской литературе конца XVIII в.» [3, с. 64][1]. Как видим, не только «Вертер», но и другое *программное* произведение Гёте привлекало внимание Тургенева-переводчика. Русского поэта не могла не волновать основная тема этого возвышенного стихотворения — тема поэтического откровения и миссии поэта в мире. Близок Тургеневу был и гимн дружбе в финале «Zueignung»:

Приди же, друг, под бременем идущий,
Придите все, кто знает жизни гнет,
Отныне вам идти зеленой кущей,

[1] Дневникова» запись Тургенева о чтении «Musenalmanach» (26.XI.1799) свидетельствует, по мнению исследователя, о прохладном отношении русского поэта к лирике (балладам и элегиям) Гёте.